

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостя, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Вол
чь
я
крова

роман

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Ранее роман выходил под названием
«Невеста, или Волчья кровь»

Корсакова, Татьяна.

К69 Волчья кровь : роман / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

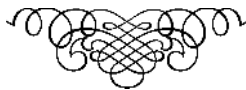
ISBN 978-5-04-098644-6

Их венчали волчьим кольцом. Да только бедой обернулось это венчание: разве гоже благородному господарю иметь жену кочевую цыганку. Вот и залила стены замка алая кровь, вот и обрушилось на него проклятье, а в окрестностях появилась призрачная волчица со своей безжалостной стаей. Прошли века, и в замке готовится новая свадьба, но будет ли она счастливей прежней?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098644-6

© Корсакова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Полная луна, похожая на затянутый бельмом глаз, хитро щурясь, крадется по ночному небу полуслепым свидетелем.

Конь под Вацлавом всхрапывает, взвизывает на дыбы, испуганно гарцует на узкой горной дороге. Впереди брежут собаки, радостно, нетерпеливо. Значит, загнали добычу, ждут хозяина.

— Вперед! — Плеть со свистом опускается на взмыленный бок жеребца, стремяна упираются в крутые бока. — Вперед, я сказал!

От бешеной скачки звон в ушах, и ветер цепляется за волосы, силится догнать вороного. Пустое! Другого такого скакуна во всех Карпатах не сыскать, за него столько золота уплачено, что до сих пор от мысли этой дух занимается. Самый лучший конь, самый неприступный замок, самая красивая женищина. Была, пока не надоела...

А гончие заходятся лаем все ближе, скоро, видать, конец охоте. Эй, прибавь-ка, вороной!

Женищина жметя к скале, мечется серой тенью посреди собачьей своры. Красивая, да-

*же сейчас, в порванном платье, простоволо-
сая, со сбитыми в кровь босыми ногами, кра-
сивая... Заметила его, бросилась под копыта
ворононому, вцепилась в стремя.*

*— Вацлав, отпусти! — Голос хриплый, со-
рванный от крика, а глаза — синими звездами.
Вот за эти глаза он ее когда-то и полюбил, не
смог пройти мимо. Да только не любовь то
была! Колдовство и морок! Он — граф Закрев-
ский, единовластный господарь здешних
мест, а она кто? Безродная цыганка, волчья
кровь...*

*— Уходи! — Плеть взмывает в воздух, и во-
роной привычно вздрагивает. Цыганка тоже
вздрагивает, закрывает лицо руками, захле-
бываясь криком от боли. — Уходи! Беги! Коли
убежишь — живи!*

*Куда бежать? Позади скала, впереди он и
гончие. А коли и прорвется, так его люди не
выпустят, потому как у них наказ, послу-
шаться которого никто не посмеет.*

*— Тогда сразу убей, не мучай! — В синих
ведьмовских глазах мольба, слезы, точно само-
цветы, так и хочется коснуться рукой мок-
рой нежной щеки. Наваждение, опять наваж-
дение...*

— Умри!

*Свора повинуется приказу, срывается с мес-
та. Женский крик тонет в алчном зверином
вое. Пусть она умрет, пусть освободит его ду-
шу из черного плена...*

Вороной хрипит и мотает башкой, норовя

сбросить. Плетью по крутому боку не глядя, не задумываясь, привычно отмеряя удар. Вот так, присмирел. А когда-то тоже был норовистый.

Цыганка больше не кричит. В темноте ни зги не видать. А слепая луна все ниже, тоже всматривается, запоминает. Пусть глядит, больше никто не увидит. И не узнает. Кто мог рассказать, того уже среди живых нет. Или не станет скоро. Даже тех, кто в этой ночной охоте чужую кровь проливал. Богдан свое дело знает: тому — стрела в спину, этому — ножом по горлу, а кому, уже в замке, яду в молодое вино. И с Богданом потом нужно будет что-то решать. Это сейчас он, сводный брат, наипервейший его товарищ, а случись что — продаст, не пожалеет...

Собаки отползают от добычи с неохотой, припадают на передние лапы, скалят зубы, но повинуются. Потому что боятся. Его все боятся, на то он и Вацлав Лютый. А цыганка еще жива: хрипит порванным горлом, скребет ногтями сырую землю, смотрит глазами своими синими, силится что-то сказать. Интересно — что? Отец-покойник говорил, что предсмертные слова самые верные, непритворные. Оттого, видать, и не пустовали темницы в замке, а у палача не переводилась работа. Очень хотелось отцу знать последние, самые верные слова.

У цыганки лицо в крови, а поди ж ты, все

равно взгляд не отвести от красоты ее сатанинской.

— Ну, что ты мне скажешь? — Встать на колени, чтобы лучше слышать, поймать последний вздох, коснуться разбитых губ.

Сказала... такое, что мороз по коже. И не верит он в эти сказки цыганские, а тревожно вдруг стало, холодом потянуло, точно из склепа.

— Зря ты так. Ох, зря! Могла бы легкой смертью умереть, а теперь уж что? Теперь не обессудь...

Рукоять меча привычно ложится в ладонь. Нет, не станет он ее убивать, не дожидается она от него такой милости. Он сейчас свое заберет, то, что в угаре любовном цыганке подарил...

Крик захлебывается, едва родившись, переходит в нечеловеческий какой-то клекот. Вот и все. Теперь можно уходить, только родовой перстень от черной крови оттереть да спрятать понадежнее, за пазухой.

Вороной испуганно всхрапывает, косит блестящим глазом, силится взвиться на дыбы. И псы попрутчихли, хвосты поджали. Что это? Знамо дело, что — ночь началась, волчья пора. Теперь до самого рассвета в горах иные хозяева. Вон уже и вой слышен совсем близко. Прощальный взгляд на ту, которая до сих пор кровь берedit, и — ветром в седло. Волки свое дело знают...

Луна катится по черному небу, задевает

деревья щербатым боком. Луна все видела, да никому не скажет. А ему пора, столько дел впереди, к свадьбе нужно готовиться...

* * *

Погода выдалась мерзостной, от мелкого, точно пыль, дождя зонт совершенно не спасал. Только мешал, черт возьми!

Владислав Дмитриевич Закревский в раздражении посмотрел на своего телохранителя, который, пытаясь подстроиться под неспешный шаг хозяина, семенил рядом, придерживая над головой босса зонт.

— Гера, да убери ты это!

— Как скажете. — Зонт исчез, явив взгляду затянутае тучами небо. На лице телохранителя не дрогнул ни один мускул — привык, видать, парень за годы службы к хозяйским причудам.

Да не так их и много было! Эта первая за бог весть какой срок. Подумаешь, захотелось боссу прогуляться под дождем по свалке. Он ведь не один, а в сопровождении самых надежных своих ребят из службы безопасности. И Гера тебе не банальный носильщик зонтов, а спец, каких еще поискать.

На ботинки, утром начищенные до зеркального блеска, налипли комья грязи. Владислав Дмитриевич брезгливо поморщился, поднял ворот плаща, осмотрелся.

— Ну, где они? — спросил идущего по правую руку секретаря Вениамина.

— Скоро уже, босс. — Секретарь, с виду со-

вершенно неприметный, какой-то куцый и, несмотря на дорогой костюм, непрезентабельный, но в особенно деликатных делах незаменимый, смахнул со лба редкую челку. — Вон за тот холмик зайдем, и будут.

«Холмик» представлял собой здоровенную смердящую кучу мусора. Владислав Дмитриевич тяжело вздохнул и, наплевав на рекомендации врачей, закурил. Дышать легче не стало, но на душе посветлело. А может, плюнуть на все эти запреты?! Что ж теперь, не жить, а мучиться?!

Задумавшись, Владислав Дмитриевич не заметил, как наступил на что-то скользкое, не поддающееся классификации. И ведь упал бы, если б не Гера. С привычной невозмутимостью телохранитель подхватил его под локоть и буркнул:

— Под ноги лучше смотрите, хозяин.

Подобную фамильярность Закревский позволял не многим, только самым близким, в том числе Гере, потому что тот уже не единожды доказал собачью свою преданность и желание служить верой и правдой.

— Куда тут смотреть? — беззлобно проворчал Владислав Дмитриевич. — Кругом же дерьмо! И чем дальше, тем гуще!

— Так они ж не селятся на окраине, — поспешил оправдаться Вениамин. — У них здесь свое собственное царство — помоечное. Сюда чужаки и не суются никогда, потому что опасно.

— Не рассказывай мне про это, — отмахнулся Закревский. — Ты свою работу сделал, с Ко-

сым связался, а дальше я уж как-нибудь сам разберусь.

Сказать по правде, разбираться с предводителем здешних бомжей Владиславу Дмитриевичу совсем не хотелось. Не то чтобы он боялся, что не удастся договориться. С его деньгами, да еще при мощной поддержке в лице восьмерых до зубов вооруженных молодцов глупо бояться какого-то мусорного короля. Скорее брезговал, не хотел мараться. А придется. В том деле, которое он задумал, грязи будет немало. Хорошо, если только грязи, если обойдется без крови. Сердце предупреждающе заныло, отвыкло, видать, от никотина. Владислав Дмитриевич нашарил в кармане пузырек с лекарством, сунул под язык таблетку.

— Все в порядке? — шепотом спросил Вениамин.

— Нормально.

— Так, может, без сигареты лучше?

— Лучше без идиотских советов.

— Простите, босс. — Секретарь замедлил шаг, отставая.

«Холмик» обходили минут двадцать. За это время Владислав Дмитриевич успел выкурить вторую сигарету, проглотить очередную таблетку, а еще вымокнуть с головы до ног. Теперь главное не простудиться и не слечь с воспалением легких. Что-то здоровье в последние месяцы ни к черту — старость, мать ее...

— Пришли, — раздался за спиной голос Вениамина. — Вон ту хибару видите? Это у них

что-то вроде королевской резиденции. Сейчас сыро, а когда солнце, перед ней кресло-качалка стоит, там Косой загорает.

— Что-то не похоже, чтобы нас здесь ждали. — Гера достал из кобуры пистолет, остальные ребяташки последовали его примеру. — Как бы чего не вышло. Мы тут как на ладони, а они в засаде.

— Не будет ничего плохого, — уверенно сказал Вениамин. — Я все оговорил и урегулировал. Просто дождь, вот и попрятались.

Точно в ответ на его слова, кособокая дверь, закрывающая вход в «королевскую резиденцию», с пронзительным скрипом распахнулась. Первым из хибары выскочил невысокий юркий мужичок в драной телогрейке и перевернутой козырьком назад бейсболке. В одной руке мужичок держал недогрызенный батон колбасы, во второй угрожающе поблескивал ствол. Вот тебе и помоечное царство! Тут вон каждая шавка с пистолетом.

— Ну что, Дымарь, притопали? — слышался из недр «резиденции» высокий, на границе между мужским и женским, голос, и вслед за мужичком на свет божий выбрался долговязый, одетый в черный кожаный плащ и фетровую шляпу парень. Поверх плаща на киношный гангстерский манер был накинут белый кашемировый шарф.

— Вот он, Косой! — шепнул Вениамин и решительно шагнул вперед.

Значит, Косой... Уж больно молодой для та-

кой статусной должности. Сколько ему? Лет тридцать от силы, а уже гляди ж ты — мусорный король. Если верить сведениям Вениамина — а сомневаться в них нет никакого резона, — денег у Косого хватит на то, чтобы с максимальным комфортом обосноваться в Западной Европе, например, а он просиживает штаны в этом вонючем болоте, похоже, считая, что лучше быть первым среди шакалов, чем последним среди львов. Ну что ж, каждому свое.

— Добрый день, Евгений Иванович! — Вениамин времени не терял, приблизился к Косому на почтительное расстояние и, опасливо косясь на пушку в руках коротышки, церемонно поклонился. — А вот и мой босс пришел, как было условлено.

— Условлено! — Косой, которого Вениамин назвал Евгением Ивановичем, недовольно поморщился. — Ты бы, старик, с собой еще отряд ОМОНа притащил.

Вообще-то каждый из ребяташек Геры стоил десятерых омовцев, но сообщать об этом своему визави Владислав Дмитриевич не стал, растянул губы в вежливой улыбке, чуть кивнул головой.

— А чего тебе бояться, Косой? — спросил он с едва различимым, но многозначительным вызовом. — Ты же на своей территории. У тебя небось стрелков за каждой мусорной кучей понатыкано.

— Стрелков! — Косой, который при ближайшем рассмотрении и в самом деле немного ко-

сил, зашелся смехом. — Это ты, батя, загнул. У меня из стрелков вон один Дымарь. — Он хлопал коротышку по плечу, и тот, недобро ослабившись, взмахнул пушкой.

В ответ на этот жест ребяташки Геры мгновенно оцетинились стволами. Ну, точно Голливуд...

— Э! Спокойно! — Косой вскинул вверх руки, но по хитрющим глазам было видно, что он не боится, значит, и правда подстраховался. — Ты ж ко мне в гости пожаловал, с чистой душой и открытым сердцем, как говорится. А гостей мы не обижаем, особенно таких уважаемых. Дымарь, ну-ка спрячь пушку, не нервируй дорогих гостей!

Похоже, приказ босса коротышку не порадовал, но перечить он не стал и послушно сунул ствол в карман телогрейки.

— Не стоило вам, хозяин, сюда приходить, — проворчал Гера. — Вениамин Олегович как-нибудь бы сам...

— Тихо! — цыкнул на него Закревский. — Еще тебя не спросил, куда ходить, а куда нет. — И тут же совсем другим, почти отеческим тоном произнес: — Вижу, что ты гостеприимный человек, Косой. Да только некогда мне церемонии разводить. Ты подготовил то, о чем я тебя просил?

— Я-то подготовил, аж пять штук на выбор. — Косой смахнул с шарфа капельки дождя. — А ты, старик, о своем обещании не забыл?

— Не забыл. — Владислав Дмитриевич сделал

знак Вениамину, тот протянул Косому бумажный пакет.

Вместо Косого пакет взял коротышка, всполох перочинным ножиком, споро пересчитал деньги.

— Все правильно, босс, — сказал он, протягивая пакет Косому. — Как и договаривались.

— Ну раз так, — Косой спрятал деньги в карман плаща, — то, пожалуй, нечего нам тут под дождем мокнуть. Пойдем, старик, посмотришь товар.

«Товар» — слово-то какое мерзкое, точно он, Владислав Дмитриевич Закревский, не честный, всеми уважаемый бизнесмен, а наркобарон или сутенер. Ничего, придется потерпеть, на первых порах единственное, что ему нужно, — это конфиденциальность, а Косой за те бабки, что ему отвалили, рот не откроет. Ведь он только с виду гангстер голливудский, а на самом деле обыкновенный жадный сучонок, который за копейку лишнюю удавится. Владислав Дмитриевич покачал головой, многозначительно глянул на Геру, давая понять, что теперь ухо нужно держать востро. Товар смотреть они будут явно не перед «королевской резиденцией», придется, видно, углубиться в эти смрадные трущобы, опуститься теперь уже на самое дно.

Так оно и вышло. Косой взмахнул рукой, и из-за ближайшей к «резиденции» кучи мусора выскочили три вполне заурядных бомжа. Именно так выглядят клошары, оккупировавшие все